

Александр Куприн

Ученик



Александр Иванович Куприн

Ученик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2524355

Аннотация

«Большой, белый, двухэтажный американский пароход весело бежал вниз по Волге. Стояли жаркие, томные июльские дни. Половину дня публика проводила на западном наружном балкончике, а половину на восточном, в зависимости от того, какая сторона бывала в тени. Пассажиры садились и вылезали на промежуточных станциях, и в конце концов образовался постоянный состав путешественников, которые уже давно знали друг друга в лицо и порядочно друг другу надоели...»

Содержание

| | |
|-----------------------------------|---|
| I | 4 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 9 |

Александр Иванович Куприн Ученик

I

Большой, белый, двухэтажный американский пароход весело бежал вниз по Волге. Стояли жаркие, томные июльские дни. Половину дня публика проводила на западном наружном балкончике, а половину на восточном, в зависимости от того, какая сторона бывала в тени. Пассажиры садились и вылезали на промежуточных станциях, и в конце концов образовался постоянный состав путешественников, которые уже давно знали друг друга в лицо и порядочно друг другу надоели.

Днем лениво занимались флиртом, покупали на пристанях землянику, вяленую волокнистую воблу, молоко, баранки и стерлядей, пахнувших керосином. В продолжение целого дня ели не переставая, как это всегда бывает на пароходах, где плавная тряска, свежий воздух, близость воды и скука чрезмерно развивают аппетит.

Вечером, когда становилось прохладнее, с берегов доносился на палубу запах скошенного сена и медвяных цветов,

и когда от реки поднимался густой летний туман, все собирались в салон.

Худенькая барышня из Москвы, ученица консерватории, у которой резко выступали ключицы из-под низко вырезанной блузки, а глаза неестественно блестели и на щеках горели болезненные пятна, пела маленьким, но необыкновенно приятного тембра голосом романсы Даргомыжского. Потом немного спорили о внутренней политике.

Общим посмешищем и развлечением служил тридцатилетний симбирский помещик, розовый и гладкий, как йоркширский поросенок, с белокурыми волосами ежиком, с разинутым ртом, с громадным расстоянием от носа до верхней губы, с белыми ресницами и возмутительно белыми усами. От него веяло непосредственной черноземной глупостью, свежестью, наивностью и усердием. Он только что женился, приобрел ценз и получил место земского начальника. Все эти подробности, а также девическая фамилия его матери и фамилии всех людей, оказавших ему протекцию, были уже давно известны всему пароходу, включая сюда капитана и двух его помощников, и, кажется, даже палубной команде. Как представитель власти и член всероссийской дворянской семьи, он пересаливал в своем патриотизме и постоянно завирался. От Нижнего до Саратова он уже успел перестрелять и перевешать всех жидов, финляндцев, поляков, армяшек, малороссов и прочих инородцев.

Во время стоянок он выходил на палубу в своей фураж-

ке с бархатным околышем и с двумя значками и, заложив руки в карманы брюк, обнаруживая толстый дворянский зад в серых панталонах, поглядывал, на всякий случай, начальственно на матросов, на разносчиков, на троечных ямщиков в круглых шляпах с павлиньими перьями. Жена его, тоненькая, изящная, некрасивая петербургская полудева, с очень бледным лицом и очень яркими, злыми губами, не препятствовала ему ни в чем, была молчалива, иногда при глупостях мужа улыбалась недоброй, тонкой усмешкой; большую часть дня сидела на солнечном припеке, с желтым французским романом в руках, с пледом на коленях, вытянув вдоль скамейки и скрестив маленькие породистые ножки в красных сафьяновых туфлях. Как-то невольно чувствовалась в ней карьеристка, будущая губернаторша или предводительша, очень может быть, что будущая губернская Мессалина. От нее всегда пахло помадой *creme Simon* и какими-то модными духами – сладкими, острыми и терпкими, от которых хотелось чихать. Фамилия их была Кострецовы.

Из постоянных пассажиров был еще артиллерийский полковник, добродушнейший человек, неряха и обжора, у которого полуседающая щетина торчала на щеках и подбородке, а китель цвета хаки над толстым животом лоснился от всевозможных супов и соусов. Каждый день утром он спускался вниз в помещение повара и выбирал там стерлядку или севрюжку, которую ему приносили наверх в сачке, еще трепещущую, и он сам, священнодействуя, сопя и почмокивая, де-

лал рыбе ножом на голове пометки во избежание поварской лукавости, чтобы не подали другую, дохлую.

Каждый вечер, после пения московской барышни и политических споров, полковник играл до поздней ночи в винт. Его постоянными партнерами были: акцизный надзиратель, ехавший в Асхабад, – человек совершенно неопределенных лет, сморщенный, со скверными зубами, помешанный на любительских спектаклях, – он недурно, бойко и весело рассказывал в промежутках игры, во время сдач, анекдоты из еврейского быта; редактор какой-то приволжской газеты, бородатый, низколобый, в золотых очках, и студент, по фамилии Држевецкий.

Студент играл с постоянным счастьем. Он быстро разбирался в игре, великолепно помнил все назначения и ходы, относился к ошибкам партнеров с неизменяемым благодушием. Несмотря на сильные жары, он всегда был одет в застегнутый на все пуговицы зеленоватый сюртук с очень длинными лапами и преувеличенно высоким воротником. Спинные лопатки были у него так сильно развиты, что он казался сутуловатым, даже при его высоком росте. Волосы у него были светлые и курчавые; голубые глаза, бритое длинное лицо: он немножко походил, судя по старинным портретам, на двадцатипятилетних генералов Отечественной войны 1812 года. Однако нечто странное было в его наружности. Иногда, когда он не следил за собою, его глаза принимали такое усталое, измученное выражение, что ему свободно можно было

дать на вид даже и пятьдесят лет. Но ненаблюдательная паролодная публика этого, конечно, не замечала, как не замечали партнеры необыкновенной особенности его рук: большие пальцы у студента достигали по длине почти концов указательных, и все ногти на пальцах были коротки, широки, плоски и крепки. Эти руки с необыкновенной убедительностью свидетельствовали об упорной воле, о холодном, не знающем колебаний эгоизме и о способности к преступлению.

От Нижнего до Сызрани как-то в продолжение двух вечеров составлялись маленькие азартные игры. Играли в двадцать одно, железную дорогу, польский банчок. Студент выиграл что-то рублей около семидесяти. Но он это сделал так мило и потом так любезно предложил обыгранному им мелкому лесопромышленнику взаймы денег, что у всех получилось впечатление, что он богатый человек, хорошего общества и воспитания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.